

Гюстав Коэн
История рыцарства во Франции.
Этикет, турниры, поединки

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=614625

История рыцарства во Франции. Этикет, турниры, поединки: Центрполиграф; М.; 2010

ISBN 978-5-9524-4707-3

Аннотация

Гюстав Коэн, известный специалист по истории Средних веков, в своей книге подробно исследует понятие и происхождение рыцарства, его кодекс и традиции, моральные качества и профессионализм средневекового воина. Подчеркивая важную роль рыцарства как института феодального общества, автор рассматривает историю возникновения и характер рыцарских орденов – госпитальеров, тамплиеров и других. Особое внимание Коэн уделяет образу рыцаря в героическом эпосе.

Содержание

Введение	4
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	12
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Гюстав Козн

История рыцарства во Франции. Этикет, турниры, поединки

*Рыцарям наших дней,
защитникам права (1914–1918)
и свободы (1939–1945)*

Введение СТРАНСТВУЮЩИЕ РЫЦАРИ

Когда-то по земле странствовали рыцари.
Они блистали, как внезапные вспышки молний,
И исчезали, оставляя на лицах
Страх, а также отсвет своих внезапных появлений;
Они жили во времена подавления, траура,
Позора, когда бесчестие надувалось гордыней;
Призраки чести, права, справедливости,
Они испепеляли преступление, они сметали порок.
И кража бежала, обман колебался,
Измена бледнела, и приходила в растерянность
Всякая несправедливая, бесчеловечная, узурпированная
радость

Перед этими суровыми судьями с мечом.
Горе творящему зло! Одна из этих рук
Выходила из тени с криком «Ты умрешь!»
Против рода людского и перед природой.
Они пытались сохранить высшее равновесие;
Готовые к любому делу, во всякий час, во всяком месте,
Они были суровыми рыцарями Бога.

Виктор Гюго. Легенда веков

Эта книга начинается словами вдохновенного поэта, поскольку интуиция его гения проникала в самую суть явления; с другой стороны, поэты и сказители Средних веков, авторы героических поэм или песен также будут для нас ценными свидетелями в отсутствие аутентичных официальных документов.

Глава 1

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Рыцарство есть средневековый институт, дополняющий феодальное общество, каковое он выражает своей военизированной и независимой организацией, воинственными, спортивными, моральными и религиозными тенденциями.

Предполагается, что возникло оно не из *ordo equitum* – всаднического сословия Древнего Рима, а скорее из германского обряда инициации – перехода подростка в разряд взрослых людей, который символизируется вручением ему оружия.

Мы имеем свидетельство Тацита в его «Германии», глава XII, которое стоит воспроизвести: «Любые частные и общественные дела они разбирают лишь вооруженными; но никто не может носить оружие, если не признан общиной годным для этого. На общем собрании один из вождей, отец или родич вручает юноше щит или фрамею. Это для них как для римлянина надеть тогу, это первая почесть, оказываемая юности: до этого момента они принадлежали лишь семье, после него – всей общине».

Знатное происхождение и значительные заслуги предков обеспечивают достоинство вождя даже подросткам; остальные присоединяются к более зрелым вождям, уже давно проявившим себя; и они не краснеют от того, что оказываются в их дружинах. Внутри самой дружины существуют различия, устанавливаемые тем, кто ее возглавляет, и существует постоянное соперничество дружинников между собой за место, более близкое к вождю, а также среди вождей – кто наберет больше всего воинов и у кого они самые отважные. Их величие и могущество выражаются в том, чтобы быть всегда окруженными большой толпой самых лучших юношей; в дни мира это простая почесть, в дни войны – это их безопасность. Эти вожди завоевывают себе славное имя не только у своего народа, но и у соседних, если блистают числом и доблестью воинов своей свиты. К ним направляют посольства, их осыпают подарками, и часто сама их репутация решает судьбу войны.

Мы узнаём здесь не только прототип феодального барона, но и все элементы будущего средневекового рыцарства.

Римский историк совершенно справедливо заметил, что вручение оружия эквивалентно одеванию в тогу свободного римского гражданина, что это ритуал, обозначающий переход из состояния живущего в семье подростка к взрослому, общественному состоянию.

В Средние века это будет называться *adoubement* – словом, происходящим из германского и обозначающим «ударить»; церемония будет заключаться главным образом в передаче оружия «крестным» и представлять собой посвящение, напоминающее жестами и формулировками посвящение в тайны элевсинских мистерий, культа Митры или масонских лож, а в более общем плане – в профессиональные братства и корпорации.

Можно полагать, что меч, оружие наступательное, а также шлем, кольчуга и треугольный щит, оружие оборонительное, – главные элементы этого обряда, но все совсем не так, и куда более характерными аксессуарами церемонии представляются шпоры (порой из чистого золота) и перевязь для меча, опоясывающая тело (*cingere aliquem cingula militari*), хотя они и кажутся не такими уж необходимыми для сражающегося. К ним скоро добавятся баня, очистительное омовение в которой предшествует обряду, и сопровождающие обряд оплеуха или удар по затылку. Уже очень много сказано о том, что удар наносился с целью заставить посвящаемого запомнить церемонию до конца своей жизни. Это эвфемистичное объяснение. В действительности речь идет о финальном жесте, вроде «удара по рукам» при купле-продаже, или удара мечом плашмя, зафиксированного Ж. Роделем с конца XII века в героическом эпосе «Саксонцы». Традицию продолжает и удар при вручении ордена Почет-

ного легиона за военные заслуги. Итак, это был удар ладонью по шее или по щеке, *militaris asara*, говорит Лоран Ардрский. Здесь еще нет церковного влияния: благословения меча, ночного бдения с оружием, предварительного причастия, моральных норм, предписываемых посвящаемому, но все это вторично. Не по значению, а по хронологии.

«Преемственность между германским и рыцарским ритуалами не вызывает сомнений», – справедливо написал Марк Блок в «Феодальном обществе», но и разница в характере обоих институтов не менее очевидна. У германцев это правило, у нас – исключение. Это не переход из одного класса в другой и уж точно не результат достижения определенного возраста, но выбор, избрание лучшего (то есть упор на качество, а не на количество) в структуру, которая венчает феодальное общество и являет собой – особенно на начальном этапе – результат отбора элементов, в том числе неимущих и даже не благородного происхождения.

Было бы также ошибкой считать, что институт, который уже в XI веке, время, о котором до нас доходят первые сведения о нем, сразу же появился сформировавшимся в своих основных чертах, правилах и принципах. Эти правила и обряды выкристаллизовались постепенно, зачастую уже в ту эпоху, когда рыцарство клонилось к упадку.

Сначала термин «рыцарь» относился к любому, кто сражался верхом на коне и мог быть связан юридическими узами с тем, от кого он держал фьеф и кому он был обязан личной военной службой, но, опосредованно, он мог относиться даже к королю.

С 1098 года появляется выражение *ordonner*¹ в значении «посвятить» в рыцари, и, что довольно странно, относится оно к будущему Людовику VI Толстому, которого в рыцари посвятил граф де Понтье, так же как после битвы при Мариньяно Баярд, рыцарь без страха и упрека, посвятил в рыцари короля Франциска I. То есть вассал посвящает в рыцари своего юного сюзерена, что означает, что он является его «крестным», вводя его в общность, достоинство которой отличается от достоинства носителя наследственной верховной власти и может быть приобретено лишь в результате кооптации. Точно таков и прием некоторых монархов XVIII века в масонские ложи. Такова ценность этого *сословия*. Не религиозного, но общественного, который в некоторых аспектах своей жизни связан с церковью, откуда легкость, с которой после Первого крестового похода возникнут *духовно-рыцарские ордена*: тамплиеры или госпитальеры, которые под именем мальтийских рыцарей до сих пор сохраняют свои архаичные церемонии и устаревший ритуал.

¹ Букв, «принять в сословие (корпорацию, орден)». (Здесь и далее примеч. пер. обозначаются цифрой, примеч. автора – цифрой и звездочкой.)

Глава 2

ВЛИЯНИЕ ЦЕРКВИ

Самая примечательная черта эволюции рыцарства – это возрастающее влияние на него церкви. Речь идет не об агрессии, не о подавлении, не об аннексии, возможно, не о произвольном действии, но и об ответе на призыв, даже не сформулированный четко.

В глубоко пропитанном христианством обществе всякий институт, будь то объединение каменщиков-строителей храмов, профессиональные корпорации, купеческие союзы, ремесленные объединения, созданные под эгидой какого-либо святого, сообщества актеров или благотворительные организации – все спонтанно обращается к церкви и сорганизовываются под ее руководством и при помощи ее священников, что совершенно в духе того времени.

Разве можно сказать, что церковь подмяла под себя университеты? Отнюдь. Зародившись в капитулярных школах, но затем развившиеся в самостоятельные структуры, они сохранили с церковью связи, доходящие до подчинения, ибо университеты зависели от римских пап, что не мешало им в середине XIII века энергично бороться с вмешательством в их дела нищенствующих орденов – кордельеров и доминиканцев; в частности, в Париже эта борьба шла под руководством Гийома де Сент-Амура. Рыцарь, прислушиваясь к внутреннему голосу совести, признавал земную власть Бога, Святой Троицы и Девы Марии; на эту благодатную почву и опирается церковь с XII века, оказывая влияние на все церемонии посвящения в рыцари.

Появляется изученная моим бывшим коллегой по Страсбургскому университету аббатом Мишелем Андриё, ныне деканом католического факультета, литургия посвящения, которая станет неотъемлемой частью церемониала, как миропомазание стало частью ритуала венчания на царство королей Франции.

Но это влияние, которое начинается с внешних проявлений: благословение, ритуальное омовение (характерное не только для христиан), причастие, очень быстро и последовательно дойдет до главного, то есть до самого духа института рыцарства, понимаемого как земное воинство Бога, а также как войско, стоящее на страже морали и защищающее слабых – несчастных одиноких девушек, вдов, сирот, несправедливо обиженных в суде², – от лихоимцев и вельмож, не исключая и самого короля.

Несмотря на средневековую религиозность, значение и силу которой порой переоценивают, поскольку тексты, написанные монахами, не сообщают о неверующих и равнодушных к религии, а ересиархов упоминают, лишь когда те становятся объектом примерного наказания, вроде лионских вальденсов, альбигойских катаров или парижских аморицийцев, это не тот ответ, которого ждет церковь.

Любовь к приключениям, спортивная страсть к подвигам, гордость, заходящая за разумные пределы и навлекающая кару небесную либо доходящая до безумия, описываемого в эпических поэмах о мятежных баронах, могут при случае стать основой для богоугодных дел или актов милосердия.

Следует также подчеркнуть, что влияние церкви никогда не было полным, переходящим в подчинение. В этом случае оно превратило бы все рыцарство в религиозный орден с тонзурой на голове и с монашескими обетами, что относилось лишь к орденам, о которых мы поговорим далее.

² Но не преследуемых религиозным фанатизмом евреев, ведьм, вальденсов или альбигойцев.

Мы редко видим, чтобы папа или епископ производил посвящение в рыцари, хотя бывало, что они благословляли оружие, вручаемое посвящаемому. В 846 году папа Сергий передал перевязь королю Каролингской династии Людовику II, а два века спустя архиепископ Кентерберийский произвел посвящение в рыцари одного из сыновей Вильгельма Завоевателя.

Но в том же XI веке установился обычай, например в «Безансонском обряднике», благословения меча и передачи его посвящаемому. Точно так же обстояло дело в обряднике Реймской области, где вдохновлялись примером аббатства Сент-Альбан в Майнце в XI веке. Там благословлялись знамя, копье, щит, но не шпоры, вручение которых было прерогативой светских лиц. Зато недвусмысленно заявляется, что именно епископ опоясывал посвящаемого мечом.

Проходят еще два века, и церемониал предстает еще более законченным в обряднике, составленном в 1285 году Гийомом Дюраном, епископом Мандским и автором труда *Rationale divinoꝝ officioꝝ*, который, по всей видимости, основывается на обычаях, бытовавших в царствование короля Людовика IX Святого.

Посвящающий не только опоясывает посвящаемого мечом, но и дает ему пощечину, что гораздо важнее, как утверждает текст, показывает «рыцарский характер» посвящаемого.

Перейдя в XIV веке в «Римский обрядник», эта французская по происхождению схема становится официальным обрядом во всем христианском мире. Но не будем говорить об освящении, хотя это слово там и произнесено. Так же как в браке важнейшим остается взаимное согласие сторон, в посвящении в рыцари самым главным с правовой стороны остается принятие «крестным» претендента в рыцарское сословие через отвешенную ему пощечину или оплеуху.

Глава 3

ДУХОВНО-РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНА

Духовно-рыцарский орден – странное сочетание слов и еще более странное сочетание понятий. Это соединение в одном лице меча и возвышающегося над ним креста, мира и войны, боевой брони и одеяния священника, надетого поверх кольчуги. Правда, к этому вынуждает необходимость обороны Запада от Востока (дай-то бог, чтобы в нынешние времена те же причины не породили те же следствия), и вот – результат налицо.

Еще до того, как Иерусалим попал в руки турок-сельджуков, которых наши поэты и историки очень часто не могли выделить из огромной массы неверных сарацинов, благочестивые купцы из Амальфи получили от султана Египта, которому тогда принадлежала Палестина, разрешение построить два больших госпиталя – постоянных двора для приюта паломников из католической Европы. Один из них был посвящен святому Иоанну Милостивому, а другой, женский, – святой Марии Магдалине. Захват Иерусалима в 1076 году не прекратил паломничества, но развил деловую смекалку в госпитальерах, которые уже после взятия Иерусалима крестоносцами в 1099 году разбогатели и обзавелись своими причалами и складами в важнейших портах. Скоро они – мужчины и женщины – организовались в орден с принесением обетов, ношением особого одеяния: черной мантии, украшенной восьмиконечным белым крестом (символом восьми блаженств), расположенным на левой стороне груди. Около 1118 года, при втором великом магистре ордена Раймоне Дюпюи (французе), братья святого Иоанна Иерусалимского добавили к своей странноприимной деятельности военный аспект, приняв на себя заботу о защите христианского Иерусалимского королевства. Новая структура поделила членов ордена на три группы: *рыцарей* (нас интересуют именно они) благородного происхождения, *братьев-служителей* (к ним относились конюшие рыцарей и лекари) и *священников*, заботившихся о раненых и больных. Первых отличали по красному одеянию с вышитым на нем белым крестом.

Штаб-квартира ордена оставалась в Иерусалиме до тех пор, пока в 1187 году Саладин не отбил его; после чего она переместилась в Сен-Жан-д'Акр, утраченный в 1291 году. С Кипра, куда они перебрались затем, они в 1318 году переселились на Родос, который превратили в бастион Запада в Восточном Средиземноморье и удерживали до 1522 года, когда он был захвачен османами. Карл V дал им взамен третий остров, Мальту, где они оставались до ее оккупации Бонапартом в 1798 году. Обновленный орден продолжает существование, но он отказался от военной стези в пользу первоначальной деятельности.

Немцы недолго были в отстающих, и уже в 1128 году один богатый немецкий крестоносец, оценивший деятельность госпитальеров на Востоке, вдохновился их примером, но разделение произошло лишь после взятия Иерусалима Саладином в 1187 году и захвата Сен-Жан-д'Акра в 1191 году. Тогда и возник Тевтонский орден, члены которого отличались белым одеянием с черным крестом на левом плече. Состоявший исключительно из немцев, орден повел борьбу против язычников: русских, литовцев, латышей и эстонцев³, начав с осады Мариенбурга. Их последний Великий магистр Альбрехт Гогенцоллерн в 1525 году перешел в лютеранство и превратил орден в наследственное герцогство.

Рыцари Храма, опять французы, получившие имя по Иерусалимскому храму. Основанный в 1118 году, в том же году, когда получили структуру госпитальеры, этот орден был

³ В начале XIII в. русские давно уже были православными, т. е. с точки зрения католиков – еретиками, но отнюдь не язычниками.

самым военным из всех; а написанием его устава, после Труасского собора 1128 года, занимался сам Бернар Клервоский, который также написал сочинение, прославляющее орден.

Чему удивляться, если при таком влиянии тамплиер в XII веке остается монахом, подчиняющимся трем обетам: целомудрия, бедности и повиновения, при этом постоянно ведя войны во славу воинствующей церкви. Как у цистерцианцев, его одеяние белое – цвета чистоты, а красный крест символизирует воскресение.

Перебравшись в 1187 году из Иерусалима в Сен-Жан-д'Акр, тамплиеры были выбиты оттуда в 1291 году. Их богатства, выросшие за счет наследств и пожертвований, возбудили зависть короля Филиппа Красивого. Выдвинув обвинения в противоречащей уставу ордена роскоши, в мятежных намерениях и даже в ереси, короли Франции и Англии добились осуждения рыцарей Храма королевскими судами, что в 1312 году было одобрено папой Климентом V.

Уничтожение этого ордена знаменует закат священного рыцарства, которому культ Богородицы заменял культ Прекрасной Дамы. Однако на Пиренейском полуострове продолжают существование орден Сантьяго (Святого Якова) де Компостелла, основанный в Галисии в 1175 году, Калатрава (1164) и Алькантара (1183).

Глава 4

РЫЦАРСКИЙ КОДЕКС

Вступление в замкнутую корпорацию, если она имеет более или менее строгую организацию и традиции, влечет за собой приобщение к ее статутам, правилам и законам, подкрепленное клятвой на Евангелиях и святых реликвиях. Так вот, такой писанный кодекс не существует. Есть лишь система правил и обязанностей, возлагаемых на рыцаря, передаваемых из уст в уста, порой с соблюдением секретности (хотя секретность здесь играет такую же роль, как и у франкмасонов), к которой вновь принятый торжественно приобщается.

В принципе, прежде чем будущий рыцарь брал с алтаря свой меч, от него требовалось принести клятву исполнять налагаемые на него обязанности. По словам епископа Шартрского Джона из Солсбери (2-я половина XII в.), автора *Polycratus*, даже те, кто не произносил клятву вслух, приносили ее молча, по вступлении в сословие. Содержание ее известно из сохранившихся текстов клятв и отзывается эхом в небольшой поэме «Рыцарский орден», о которой мы еще поговорим.

Каркас ее – верность вассала своему сюзерену, набожность, щедрость, о которой жонглеры неустанно повторяют своим знатым покровителям, упоминая при этом Александра Македонского, а также – доблесть, то есть смелость, *laus* – честь, слава, презрение к боли и смерти, помощь попавшим в беду девицам, вдовам, сиротам, несчастным, защита святой церкви, что уже проявилось в уважении к священникам.

Сюда же добавляются несколько правил ведения боя: не добивать беспомощного поверженного противника; именно в этом контексте мы до сих пор упоминаем рыцарский дух; не подлежит никакому сомнению, что правило это изобретено французами, которые применяют его шире любого другого народа. Кроме того, рыцарь не должен участвовать в измене и лжесвидетельстве, и если не в силах помешать этому, то удалиться, дабы не быть молчаливым и сочувствующим свидетелем.

Соответствовала ли практика этой прекрасной теории? Дать ответ на этот вопрос невозможно; первобытная инстинктивная жестокость порой брала верх над правилами, навязывающими человеку контроль над собой, *self-control*⁴, чего часто не хватает французской нации.

Однако привычка и практика исповеди должны были привести рыцаря, совершившего ошибку, к раздумью и молитве, как предписывает уже упоминавшийся епископ Дюран: «Господь святейший, всемогущий отец... Ты, кто допустил на земле использование меча, чтобы уничтожать лукавство злых и защищать справедливость, кто, ради защиты народа, пожелал создать сословие *рыцарства*... прояви милосердие и сделай так, чтобы раб Твой, здесь находящийся, никогда не использовал сей меч или другой для несправедливого причинения вреда, но всегда пользовался им ради защиты Справедливости и Права».

⁴ Самоконтроль (англ.).

Глава 5

ПЕРЕДАЧА СТАТУСА ПО НАСЛЕДСТВУ

Посвящение в рыцари есть акт безвозмездный, как для посвящающего, так и для посвящаемого. В принципе он зависит от наличия материальных условий: оружия, предполагающего немалое благосостояние посвящаемого или огромную щедрость «крестного», и моральных: чести и достоинства, но никак не зависит от происхождения.

Очевидно, что во французском рыцарстве торжественное вручение оружия, в отличие от аналогичного обряда у германцев, о котором рассказывает Тацит, не означал перехода из одной возрастной группы в другую, из юношей в воины; для посвящаемого это достижение цели, для посвящающего – выбор, причем вовсе не обязательно, что между первым и вторым существуют семейные или родственные узы.

Однако можно сказать, что рыцарство, каким мы его знаем и пытаемся дать ему определение, возможно лишь в рамках феодализма, что влечет передачу земли сюзереном вассалу или предложение земли вассалом сюзерену для верховного управления ею, что делает его *верным человеком*; это действие влечет за собой обязанности: со стороны более могущественного оказывать покровительство, а со стороны менее могущественного – оказывать помощь. Сложная система взаимоподчиненности земель влекла возникновение системы взаимоподчиненности людей, заменившей свойственную Античности общую подчиненность индивида государству-сюзерену.

Теперь, когда мы это выяснили, бросается в глаза разница между феодализмом и рыцарством. С одной стороны, понятие рыцарства не влечет ни передачи феода или аллода, ни возникновения личной зависимости между принимаемым и «крестным». Нельзя быть «чьим-то рыцарем», «рыцарем кого-то», однако необходимость рекрутирования конной армии, особенно в условиях быстрого наступления арабов в VIII веке, значительно способствовала созданию и развитию рыцарства.

Другое важное отличие заключается в отсутствии кровных уз между посвящаемым и посвящающим и, вследствие этого, в отсутствии требований посвящающего к посвящаемому в исполнении обязательств в отношении его рода.

Следовательно и в принципе – но только в принципе – не обязательно иметь благородное происхождение, то есть быть уже избранным, принадлежать к феодальной и земельной аристократии. Достаточно быть свободнорожденным или вольноотпущенником, поскольку серв был прикреплен к земле, а мобильность – важнейшая характеристика *рыцарского сословия*, отсюда такой многочисленный и непоседливый класс *странствующих рыцарей*, о котором мы еще поговорим.

В принципе проблема расы и национальности тоже не возникает, но если, за исключением короля Бальтазара и черных дев, мы ничего не слышим о рыцарях-неграх, то сарацины или арабы из рыцарского сословия не исключаются. Национальное происхождение им нисколько не мешает, достаточно, чтобы они перешли в христианскую веру – это главное. Поэтому не бывает рыцарей евреев, турок, татар, финнов, не говоря уже о китайцах и японцах, о которых средневековая Европа мало что знала, за исключением рассказов Марко Поло. Что же касается греков, их герои, Ахилл или Аякс из поэм Гомера, Цезарь или Александр из истории, в модернизированном на средневековый манер виде предстают идеальными рыцарями еще до возникновения этого понятия. Такими их изображают романисты и миниатюристы.

А теперь рассмотрим внимательнее факты в их историческом развитии. «Созданный в 1119 году для защиты владений в Святой земле орден Храма объединял две группы вои-

нов, различавшихся по костюмам, оружию и крови: сверху «рыцари»; внизу – простые «сержанты» – белые плащи против коричневых»⁵. Старейший устав, 1136 года, не упоминает, что эта разница вызвана разницей в происхождении, но второй устав, 1250 года, прямо говорит об этом.

Чтобы надеть белый плащ, соискатель еще до вступления в орден должен быть посвящен в рыцари, а кроме того, он должен быть «сыном рыцаря или происходить от рыцарей по отцовской линии»; одним словом, быть дворянином. Только при этом условии человек должен и может быть посвящен в рыцарское звание. У госпитальеров аналогичное правило.

Здесь очевидно преобладание кастового духа над духом демократическим. То поразительное равенство, которого придерживается церковь и которое позволяет любому – серву или вольноотпущеннику, простолюдину или виллану – достичь любой высоты, даже епископской кафедры и папского престола, здесь не соблюдается. Рыцарство могло бы стать кадровым резервом дворянства, внося в него струю свежей крови, вбирая в себя самых лучших, самых храбрых и самых добродетельных, невзирая на их происхождение. Но оно мало-помалу отошло от этой тенденции, несмотря на традиции церкви, доминировавшей над рыцарством.

С 1140 года король Роже II Сицилийский, а с 1294 года граф Карл II Прованский требуют посвящать в рыцари лишь потомков рыцарей.

Правоведы двора Людовика Святого и собственно право высказываются аналогичным образом: «За исключением особой милости короля, ни одно посвящение в рыцари не будет действительным, если отец посвящаемого либо его дед по отцовской линии не были рыцарями». Некоторые обычаи Шампани допускали передачу рыцарского достоинства по материнской линии.

Как бы то ни было, но данное требование меняет саму природу института рыцарства, о чем можно только пожалеть. Но следует сразу же заявить о существовании многочисленных исключений, допускаемых обычаем или покупаемых за деньги.

Филипп де Бомануар, юрист XIII века, в своих «Кутюмах Бовези» номер 1100 говорит о правовом акте, для которого требуются четыре свидетеля-рыцаря. Но найти удастся только троих. Тогда они изобретают хитрость, чтобы заполучить четвертого: они встречают простолюдина, «зажиточного человека, направляющегося по своим делам, и посвящают его в рыцари, дают ему оплеуху и заявляют: «Будь рыцарем!»

Очевидно, что такой акт посвящения был аннулирован, но не из-за какой-то мелкой формальности, а из-за мошенничества посвящающих.

Так что «подлорожденный» может стать рыцарем. «Господи! Как плохо поступает воин, делающий из сына виллана рыцаря!» – восклицает около 1160 года автор «Жира де Руссильона», но само его возмущение свидетельствует о возможности такого действия.

В 1302 году, в битве при Куртре, фламандские принцы (а Фландрия являлась вассальным владением французской короны) дали оплеуху нескольким буржуа, достаточно богатым, чтобы приобрести коня и необходимое вооружение.

Принц дю Пюи (персонаж «Игры листа» Адама Горбуна, называемого Галльским) в Аррасе, около 1276 года, выдает себя за рыцаря и участвует в турнирах, что порой ставит его в смешное положение. Подражание буржуазии дворянству вызвано жаждой наряду с богатством получить и почести. Нам это хорошо знакомо. Именно этим способом и увеличивалась численность правящего класса. Слуги сеньоров и юристы, пополнявшие дворянство, поначалу тоже не были наследственными сословиями.

⁵ * Блок М. Феодальное общество. Т. II. Гл. 4.

Итак, изначально «всякий рыцарь имеет право посвящать в рыцари», но посвященный ничем не обязан посвятившему его, кроме как благодарностью, и не несет никаких обязательств, кроме как соблюдение моральных норм ордена.

Удивляет, что в цивилизации, иерархизированной от подвассала к вассалу, от вассала к сюзерену, в рыцарстве полностью отсутствует градация по титулам, возрасту и рангу. В то время как профессиональные корпорации (которые в то время никто так еще не называет) знают степени ученика, подмастерья и мастера, оруженосец разом становится полноправным рыцарем, который обязан старшим лишь уважением к их возрасту; как рыцарь же он вообще чувствует себя равным королю.

Все это уводит нас очень далеко не только от германской инициации, но и от грубых нравов XI века, отражением которых является литература.

Но рыцарство легко порождает братство по оружию – эту очень сильную связь, которую я сам почувствовал в войну 1914 года; великолепными ее примерами являются Оливье и Роланд в литературе, Танкред и Боэмунд в Первом крестовом походе. Это чувство превосходно выражено в следующих словах (Рол., стихи 1734–1735)⁶:

Сегодня окончится наша дружба: еще до вечера мы оба умрем.

Иногда «Песнь о Роланде» подчеркивает связь друзей-соратников сходством имен, словно предопределяющих ее: Амис и Амиль, Базиль и его брат Базан (Рол., 326), Ивори и Ивон (Рол., 1895), Герье и Герен (Рол., 794). Это эпическая пара воинов.

⁶ Далее будет приводиться ссылка на произведение и номер стиха.

Глава 6

РЫЦАРСТВО И РЫЦАРИ В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ

В героическом эпосе рыцарство предстает как уже сложившийся институт; его природа, посвящение в рыцари и формулировки этого посвящения почти не объясняются. Рыцарство имеет обостренное представление о доблести, верности и чести. Это скорее эпитет, нежели просто наименование. Лучшие бароны – рыцари, и лучшие сарацинские воины достойны были бы стать рыцарями, если бы приняли христианство. «И доблестью был бы рыцарем» (Рол., 25), – говорится о мавре Бланкандрене. Двенадцать пэров должны быть рыцарями, но специально об этом не говорится.

В лагере Карла Великого ждут послов от языческого короля Марсилия; рыцари сидят на белых шелковых коврах (Рол., 110), самые мудрые и старые играют за столом в триктрак или шахматы, тогда как бакалавры (молодые сеньоры, еще не посвященные в рыцари) упражняются в фехтовании на мечах. Карл обращается к ним: «Благородные рыцари, изберите мне барона из моей земли, очень высокого рождения» (Рол., 356). Ганелон тоже знатный барон, вокруг него находятся его рыцари (Рол., 350), которые, похоже, более привязаны к нему самому и к его дому, нежели к королю. Арьергард Роланда, по словам предателя, состоит из двадцати тысяч рыцарей (Рол., 558), но не следует ли здесь прочесть «всадников», поскольку неизвестно, все ли они прошли посвящение. Доказательство тому слова сарацинского короля Марсилия: «Четыреста тысяч рыцарей могу я собрать» (Рол., 565). Однако, когда формируется арьергард, автор «Песни» Турольд (?) настаивает на посвящении.

«И я иду с Роландом, – подхватил Готье. – Я его человек [вассал]: он дал мне лен». И ушло их двадцать тысяч рыцарей. Аой!»

Роланд получил свой меч Дюрандаль от Карла Великого (Рол., 1120–1121): «Мой добрый меч, врученный мне королем», что на языке XI века означает, что он получил меч, когда король посвящал его в рыцари. Его соратники, которых созвал Турпен, советуют ему рубить сильно: «На рыцарях надежные доспехи» (Рол., 1143).

Роланд, направляющийся на битву, действительно является портретом вооруженного рыцаря (Рол., 1152–1158):

Роланд мчит верхом по долине.
Его конь Вельянтиф резв и горяч.
Ему к лицу доспехи и оружие.
В руке он держит копье,
Грозно направив острие к небу.
На копье развевается белый значок,
Бахрома спадает до плеч и рук.
Граф прекрасен телом, смел и светел лицом.

А вот прощальные слова, сказанные Роландом в Ронсевале над павшим Оливье:

Ты мог преломить копье, расколоть щит,
Преподашь урок гордецу и поразить злодея.
Поддержать и дать совет тому, кто честен,
И никто не был лучшим рыцарем, чем ты.

В этом весь рыцарский идеал, изложенный в четырех строчках; и он никак не отличается от оценки архиепископа Турпена, которого Роланд провозглашает (Рол., 2252):

О, славный рыцарь из хорошего рода.

Для Роланда меч, врученный ему Карлом Великим, почти персонифицирован, едва не обожествлен:

О, Дюрандаль, как ты прекрасен, светел, бел!
Как блещешь и сверкаешь ты на солнце!

Если нельзя говорить об обожествлении в полном смысле слова, то, во всяком случае, по Божьему повелению ангел передал его Карлу Великому, который вручил его своему лучшему вассалу (Рол., 2319–2320):

И меня тобою препоясал великий король.

Роланд приписывает своему мечу завоевания, которые совершил. Чтобы Франция не подверглась позору, если его меч будет обращен против нее, Роланд пытается сломать его о скалу, но тщетно. Возможно, из-за священных реликвий, заключенных в рукояти. Ему не остается ничего иного, как, умирая, лечь ничком на землю, прикрыв телом и меч, и Олифант (рог), в который он трубил, призывая Карла. Он лег головой к стране язычников, чтобы те, кто найдут его, сказали, что и погибнув он победил.

Роланд покался в грехах перед Богом
И в качестве залога протянул перчатку.

Протянутая Богу перчатка, которую заберут ангелы, – знак признания вассальной зависимости, один из символов реванша церкви над рыцарством. Здесь происходит как бы взаимопроникновение обычаев. Но последние слова умирающего героя заимствованы из заупокойной службы (Рол., 2397):

Погиб Роланд, и Господь принял его душу.

Картина сражающегося рыцарства в «Песни о Роланде» не полна, но вполне точна, к тому же к ее достоинствам следует отнести довольно точную датировку: третья четверть XI века. Однако в ней нет особого подчеркивания опоясывания оружием (это понятие употребляется в значении «вооружиться»), существования некоего военного сословия, стоящего над «посаженым на землю» (то есть наделенным фьефом) феодализмом и особыми обязательствами, лежащими на рыцаря в отношении не только его сюзерена, но и человечества в целом. Все это показывает нам институт скорее складывающийся, нежели уже сложившийся, приобретший окончательные формы и обладающий четкими кодифицированными правилами.

Глава 7

РЫЦАРСТВО В «ПЕСНИ О ГИЙОМЕ»

Поэма о Гарене де Монглане включает в себя «Песнь о Гийоме»⁷, обнаруженную в 1903 году, и уже это является причиной поговорить о ней, поскольку Леон Готье в своем обширном исследовании «Рыцарство» (Париж, 1894) не мог упомянуть ее. Она датируется XI веком, как и «Песнь о Роланде», но первые ее варианты, возможно, появились еще в X веке.

В ней изображены два посвящения в рыцари, проведенные Гийомом: Вивьена, который добавляет к обычной клятве обещание никогда не отступать в бою, и Ги Ребенка (Вибеллинуса во фрагменте на латыни, хранящемся в Гааге), которое изображено в несколько юмористическом ключе.

Одной из самой лучших сцен является финальная исповедь Вивьена Гийому, его дяде, который заменяет священника, что в очередной раз свидетельствует о тесной связи между рыцарством и церковью в тот век складывания рыцарства как института. Очень экспрессивно говорится о посвящении:

У ручья, воды которого чисты и прозрачны,
Под ветвистым и тенистым оливковым деревом,
Барон Гийом нашел Вивьена.
На теле было пятнадцать ран, таких,
Что от малейшей умер бы эмир.
И он тихо жалеет его:
«Сир Вивьен, несчастье принесла тебе, барон,
Храбрость, что дал тебе Господь!
Не так давно был ты посвящен,
Ты обещал и клялся пред Господом,
Что не станешь убегать с поля боя.
Ты не пожелал нарушить свою клятву.
Потому ты и лежишь убитый.
Скажите, прекрасный сир, могли бы вы поговорить со мной⁸
И поручить свое тело Богу?
Если вы верите в того, кто был распят на кресте,
Могли бы причаститься освященным хлебом, что есть у меня».
Вивьен открыл глаза, посмотрел на дядю
И заговорил с ним:
«О, прекрасный сеньор, — сказал Вивьен барону, —
Я верю, что истинный Бог,
Который сошел на землю спасти свой народ,
Был рожден в Вифлееме Девой
И умер распятым на кресте,
Пронзенный копьем Лонгина,
И кровь его текла по боку.
И за эту кровь Господь его помиловал.

⁷ Также известна как «Песнь об Уильяме» (Уильям — английская форма имени Гийом).

⁸ * Такое чередование обращения на «ты» и на «вы» характерно для Средних веков.

Господи, признаю свою вину, за все беды,
Что совершил с самого рождения, за все грехи прости,
Дядюшка Гийом, дайте мне освященный хлеб».
«Ах! – сказал благородный граф. —
Кто верит, никогда не будет проклят».
Он подбежал к воде омыть свои белые руки,
Вынул из сумки освященный хлеб
И вложил ему в рот.
И он проглотил кусочек.
Потом дух вышел из него, и тело застыло.
Увидел это Гийом и заплакал.
Поднял его на коня,
Желая отвезти его в Оранж.

Следующий момент показывает еще более неожиданный союз рыцарства и литературы в ту далекую эпоху; в «Песни о Роланде» часто ссылаются на песни, посвященные воинам, иногда исторические, иногда сатирические.

Так пусть не сложат о нас злую песню, —

говорит Роланд в стихе 1465.

«Песнь о Гийоме» представляет нам одного из авторов таких песен. На службе у Гийома состоит жонглер, который при этом является и храбрым рыцарем:

Но есть у монсеньора Гийома жонглер;
Во всей Франции не найдется такого прекрасного певца,
А в бою не сыщется более храброго бойца.
Он умеет слагать песни о подвигах,
О временах Хлодвига, первого императора,
При котором в прекрасной Франции уверовали в Господа,
И его сына Флована (Хлотаря), славного воина,
И всех доблестных королей,
До Пипина, прозванного маленьким воякой,
Карла Великого и Роланда, его племянника.

И данное свидетельство не единственное – Бертолле из героической поэмы «Рауль де Камбрэ» ничем от него не отличается и соответствует реально существовавшему участнику завоевания Англии нормандцами и битвы при Гастингсе (1066), рыцарю и певцу Тайферу, известному благодаря «Роману о Роллоне» Робера Васа⁹ и знаменитому ковру из Байё:

Тайфер, который очень хорошо пел
И великолепно ездил на коне,
Для герцога пел
О Карле Великом и Роланде
И об Оливье и вассалах,
Что погибли в Ронсевале.

⁹ Робер Вас (около 1115 – около 1183) – нормандский поэт XII в.

Глава 8

ОБЯЗАННОСТИ КОРОЛЯ В «КОРОНОВАНИИ ЛЮДОВИКА»

В «Коронавании Людовика», одной из пяти древнейших наших эпических поэм, относящейся к XI веку, мы находим несколько интересных моментов, освещающих обязанности короля, подобным тем, которые позднее были возложены на рыцарей. Очевидно, что «Коронавание Людовика», относящееся к циклу о Гарене де Монглане, более феодальное, чем королевское по духу. Карл Великий стар и немощен, а Людовик, которому между пятнадцатью и двадцатью годами, – жалкий король, трусливый и развратный (стих 2311), удирающий при опасности (стихи 2404–2410). Он умеет лишь плакать (стих 2413), «спрятавшись под куньи меха». Но речь Карла, обращенная к сыну, содержит те самые наставления, которые на два века опередили поучения Людовика Святого своему сыну:

«Милый сын, – сказал он, – послушайте меня!
Взгляни на корону, лежащую здесь, на алтаре:
Я хочу отдать ее тебе при таком условии:
Не живи в роскоши, не совершай несправедливости,
не греши,
Не совершайте никакого предательства,
Не отбирайте фьеф у сироты...
Если ты, милый сын, станешь брать взятки,
Покровительствовать излишествам,
Поощрять роскошь, возвышать грех,
Отбирать у сироты его фьеф,
Отнимать у вдовы последние четыре денье,
Эту корону, клянусь Иисусом, я запрещаю тебе брать».

Чуть дальше он добавляет:

И верно служи святой церкви.

В лессе [строфа] XII он вновь возвращается к этим высоким обязанностям и уточняет:

«Мой сын Людовик, не стану скрывать,
Бог создал королей, чтобы они стали справедливыми судьями,
А не затем, чтобы создавали дурные законы, жили
в роскоши, покровительствовали греху,
Отнимали у сироты его фьеф,
А у вдовы – последние четыре денье.
Король должен повергать к своим ногам
несправедливость,
Топтать ее и уничтожать.
Ты должен быть смиренным перед бедняком,
А если он жалуется, ты не должен скупать,
Но должен помочь ему и дать совет,

И, ради Бога, восстановить его права;
А с гордецами ты должен вести себя так же высокомерно,
Как леопард, который хочет съесть людей».

Приметой феодализма в поэме «Коронование Людовика» является последний совет, идущий вразрез с политикой, которую позднее будут проводить великие самовластные монархи от Филиппа Красивого до Людовика XI:

Не бери в советники вилланов,
Сына прево или сына дорожного смотрителя.
Они обманут тебя за грош;
Но возьми благороднейшего воина Гийома,
Сына гордого Эймери Нарбонского,
Брата Бернара Брабантского, воина;
Если они захотят поддерживать тебя и помогать,
Их службой ты можешь гордиться.

Глава 9

БЕЗУМИЕ В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ.

ИЗАМБАР И РАУЛЬ ДЕ КАМБРЭ

«Песнь о Роланде» представляет в образе главного героя совершенного, но не идеального рыцаря. Идеальный рыцарь скорее Оливье, поскольку наряду с храбростью он обладает чувством меры. Хорошо известен стих, противопоставляющий их (1093):

Роланд отважен, Оливье разумен.

Также урок, который тот преподает своему другу, отказывающемуся трубить в рог, чтобы позвать на помощь императора, боясь, что тем самым опозорит милую Францию и подвергнется осуждению в песне (Рол., 1724–1726):

Разумная осторожность не безумие,
Умеренность лучше чрезмерной смелости.
Французы погибли по вашей вине.
Ваша безрассудная смелость – наша беда!
Из-за нее вы погибнете, а на Францию ляжет позор.

Это настоящая обвинительная речь разумного человека безумцу, которого не остановят никакие слабости или дружеские чувства. Оценка эта заслуженна и применима даже в наши дни ко многим до безумия храбрым командирам (я сам знавал таких), которые совершенно не берегут вверенных им людей.

Итак, если барону Роланду чего-то не хватает для того, чтобы стать идеальным рыцарем, так это чувство меры, хотя данное выражение прямо не произносится; зато есть в избытке гордыня, что навлекает на него кару небесную.

Однако, хотя Роланд и повинен в излишней дерзости, его все же нельзя зачислить в категорию безрассудных рыцарей, о которой мы сейчас поговорим и которая появляется в эпическом цикле о мятежных баронах «Доон де Майанс».

Старейшая из поэм этого цикла, также восходящая как минимум к XI веку, – «Гормонд и Изамбар», возможно хронологически первая из наших героических поэм, записанная восьмисложным стихом, как «Кантилена святой Эулалии» (IX в.), и снабженная рефреном. Мятежный рыцарь Изамбар не только безрассуден, не только стоит вне закона; он также ренегат, что часто сочетается: разрыв феодальных связей влечет и разрыв связей религиозных. Он стал жертвой несправедливости со стороны короля Людовика III (умер в 882 г.), который допустил убийство брата героя, а его сестру принудил выйти замуж за убийцу. Поэтому герой бежит к сарацинскому королю Гормонду (в действительности к норманну Гордмунду), опустошившему Вимё и Понтьё.

Главная тема – бунт героя, который, ради свершения кровной мести, в соответствии с германским правом выкупающейся вергельдом, не останавливается перед тем, чтобы выступить с оружием в руках против законного монарха и предать огню и мечу родную страну. Этот тип крайнего индивидуалиста нам известен не только по героическому эпосу, но и по нашей истории, включая сюда Монморанси, Конде, Моро и Бернадота¹⁰.

¹⁰ Монморанси-Нивель Жан де (ум. 1477) – французский дворянин, выступивший против короля Людовика XI на стороне Карла Смелого, герцога Бургундского; Луи II де Бурбон, принц де Конде (1621–1686) – представитель младшей линии

Правда, в финале (как в литературе, так и в жизни) герой в конце концов вновь становится на путь истинный и возвращается на родину и в лоно церкви. Таков Изамбар, таким будет Рауль де Камбрэ, чью могилу монахи Сен-Жери де Камбрэ будут подновлять и с гордостью показывать.

Рауль де Камбрэ, герой поэмы, носящей его имя (и тоже датируемой XI в.), предстает как воплощение безумия, против которого постепенно и были сформулированы законы рыцарства. Лишенный королем Людовиком своих владений, Камбрэ и прилежащей области, он требует в качестве компенсации Вармандуа, которое ему дают при условии, что он сам завоюет его у четырех сыновей Герберта. Напрасно мать умоляет его ничего не предпринимать. Он бросается в монастырь Орины-Сент-Бенуат, настоятельница которого, Марсента, мать Бернье, «вскормленника» Рауля, выходит ему навстречу. Равнодушный к мольбам и одной и другого, Рауль ужинает на алтаре, разрушает монастырь и сжигает его монашек. Вот против таких насилий церковь и боролась, создавая рыцарство.

Казалось, ничто не предвещало, что юный Рауль, воспитанный Герри Белокурым, станет тем надменным, неукротимым, нечестивым и безумным, каким он предстает в поэме; человеком, который, связанный собственным словом и влекомый судьбой, продолжает амбициозное и отчаянное предприятие, сокрушая преграды, возводимые перед ним человеческими и божественными законами. Пример той самой сильной воли, эманацией которой и является рыцарство и которую оно в дальнейшем, сложившись в институт, направит на более достойные цели, нежели удовлетворение личного честолюбия и гордыни.

Однако в свой последний час Рауль, как и Изамбар, обратится к истине, взывая к Небесному Отцу (стих 3125), «который может все простить», и Пресвятой Деве (стих 3131):

Помогите мне, Сладчайшая госпожа Небес.
Поэтому-то монахи Сен-Жери де Камбрэ и будут охранять
его могилу.

Автор (предположительно Бертолле) открыто становится на его сторону:

Рауль, как я узнал, был в своем праве.
Вина лежала на короле.
Из-за плохого короля позор лег на очень достойного
человека.

французского королевского дома, выдающийся полководец; в период Фронды (1648–1653) выступал против королевского правительства, но потерпел поражение, бежал в Испанию и уже во главе испанских войск воевал против Франции; Моро Жан-Виктор (1763–1813) – французский генерал эпохи революционных войн; был осужден по обвинению в заговоре против Наполеона. В 1813 г. стал главным советником войск антифранцузской коалиции, смертельно ранен в сражении при Дрездене; Бернадот Жан-Батист (1763–1844) – маршал Франции (1804), участник революционных и Наполеоновских войн. С 1810 г. – наследник шведского престола. В 1813–1814 гг. воевал против Франции на стороне антинаполеоновской коалиции.

Глава 10

РЫЦАРСТВО В КУРТУАЗНОМ РОМАНЕ

Если героический эпос, родившийся из устной традиции, господствует в XI и в первой половине XII века, куртуазный роман, складывающийся во второй половине XII века, господствует до первой половины XIII века.

Он менее претендует на историчность, чем героический эпос (впрочем, такие претензии все-таки есть, поскольку король Артур, его центральная фигура, существовал в действительности, как и Карл Великий), тем не менее, несмотря на свой авантюрный характер и злоупотребление чудесным и фантастическим, представляет картину общества в те времена, когда рыцарство играло главную роль.

Выступая в Обществе истории права по теме судебного поединка у Кретьена де Труа, я услышал от моих коллег, что я представил им старейшее литературное свидетельство по данному вопросу; часто точно так же дело обстоит и в том, что касается рыцарства.

Можно отметить, что герой куртуазного романа всегда рыцарь (и никогда не простолюдин, не виллан, не купец, не ремесленник) и что через действие, часто абсурдное, он показывает, как должен вести себя рыцарь. Если принять высказывание Оскара Уайльда, что литература протягивает зеркало жизни или опережает жизнь, то есть предоставляет возможность найти у Кретьена де Труа, основателя французского, а через него и европейского романа, и у его последователей портрет идеального рыцаря, который служил образцом для реального рыцаря, особенно в отношениях с женщиной, играющей здесь роль первого плана, каковую за ней не признаёт героический эпос. Конечно, в «Песни о Гийоме» есть Гибурк – сильная женщина, но Роланд, умирая, даже не вспоминает свою невесту Альду, сестру своего соратника Оливье. В отдельной главе мы особо поговорим о роли женщины в жизни рыцарства.

Пока что речь идет о том, чтобы выделить в романах период примерно с 1160 по 1182 год – эпоху, когда над землей начал подниматься неф собора Парижской Богоматери, когда Французское королевство наслаждается относительным миром перед Третьим крестовым походом. Тем не менее рыцарство в этот период не бездействует, похоже, именно в это время внутри него выкристаллизовывается понимание его природы и значения его миссии.

В «Эреке и Эниде» перед рыцарством, как и в жизни, встает моральная проблема, более всего занимавшая Кретьена де Труа и являющаяся центральной идеей его творчества: конфликт между любовью и приключением. В эпоху, когда все мысли и пыл женщин были направлены на любовь, – это французское изобретение XII века, как остроумно выражался наш учитель Сейнобо, – они находят удовлетворение и видят смысл жизни в любовных победах. Когда такая победа одерживается, не в акте простого и полного духовного оммажа, пример которого провансальская поэзия дает замужней и уже удовлетворенной женщине, но в браке, который предпочитает северный реализм, она намеревается наслаждаться им так спокойно, как позволит жизнь. Но мужчина, со всем пылом желавший этой победы, наконец, одержав ее, не находит в ней полного счастья, и так будет всегда, потому что предназначение мужчины – приключения, которые он ищет, чтобы испытать свою доблесть и храбрость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.